

**НИНА ЛУГОВСКАЯ**

**ДНЕВНИК  
СОВЕТСКОЙ  
ШКОЛЬНИЦЫ  
ПРЕОДОЛЕНИЕ**

**Издательство АСТ  
Москва**

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Л83

Составители выражают благодарность за помощь  
в предоставлении архивных материалов  
сотрудников Государственного архива Российской Федерации:  
С.В. Мироненко, О. В. Маринина и Д.Ч. Нодия.  
А также Френсису ГРИНУ, без постоянной поддержки которого  
была бы невозможна многолетняя работа в архивах.  
Особая признательность коллегам: Л. А. Должанской и Я. В. Леонтьеву  
за помощь в подготовке до-лагерных дневников Луговской.  
После-лагерный архив Луговской был обработан  
и систематизирован искусствоведом Александром Ковзуном.  
Текст второй части составлен на основании этого архива.

**Нина Луговская**  
Л83 Дневник советской школьницы. Преодоление. / Лугов-  
ская Н.С. — авт.-сост. Перова Н.А. и Осипова И.И. —  
Москва: Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (Портрет  
эпохи).

ISBN 978-5-17-101167-3

Дневник Нины Луговской — прекрасное противоядие для тех, кому  
«советский проект» все еще кажется привлекательным. Великая утопия  
обернулась кровавой историей. Об этом свидетельствует Нина Луговская.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101167-3

© ООО «Издательство АСТ», 2015

**Часть 1.  
ДНЕВНИК  
СОВЕТСКОЙ ШКОЛЬНИЦЫ  
1932—1937**



## ТРУДНЫЙ ПОДРОСТОК ПРОТИВ ВЕЛИКОГО МИФА

Дневники Анны Франк и Нины Луговской могут рассматриваться как родственные документы. Прежде всего, они принадлежат тому новому разделу общей истории, который выделился в самостоятельную дисциплину, называемую микро-историей. Большая история, рассматриваемая через судьбу отдельного, частного человека — не вождя, полководца, философа или писателя, а одинокой незначительной песчинки. Это люди, истории не делающие, но в ней пребывающие. Они — свидетели случайные, ненамеренные и, в силу ненамеренности, потрясающе правдивые.

Обе девочки, Анна Франк и Нина Луговская — эгоцентрические подростки, сосредоточенные на своей внутренней жизни, поглощенные переживаниями, сопровождающими половое созревание. У обеих — сложные отношения с родителями: у Анны Франк глубокий конфликт с матерью, у Нины Луговской — негативная реакция на отца. Довольно типичная черта подросткового возраста. Обе они находятся в экстремальных ситуациях, обе уже в западне, уже обречены, и сила воздействия их дневников именно в том, что мы, читатели, это понимаем, а они еще не рассталась со своими надеждами выжить.

Экстремальность жизненной ситуации Нины Луговской разделена с миллионами ей подобных девочек, мальчиков и их родителей. Обреченность общая, но неосознанная. В советских лагерях тоже погибнет много миллионов людей. Но Анна Франк — еврейка в оккупированной фашистами Голландии, а Нина Луговская — русская среди соотечественников, подавленных тоталитарным режимом, который уничтожает не по принципу национальному, а бес-

принципно: всякой твари по паре, чтоб все боялись.

В сохранившемся в архивах НКВД дневниках Нины есть два рода отметок: во-первых, вымаранные самой Ниной строки. Она прошла по своему дневнику задолго до ареста, когда ее мать, заглянув к ней в дневник, предостерегла ее от излишнего доверия к бумаге. Второй род отметок — красный карандаш следователя, читавшего ее дневники с той самой целью, которую когда-то предвидела ее мать... Впрочем, если бы никаких дневников Нина вообще не вела, она все равно получила бы свой срок: из общества изымали неблагонадежных, к числу которых, вне всякого сомнения, относился отец Нины, левый эсер. Изъятию подлежали и члены семьи. Таким образом, дневник Нины оказался лишь лакомым куском для следователей, которые смогли на основании дневника предъявить молодой девушке особое обвинение в «подготовке террористического акта против Сталина».

В сущности, речь идет о грандиозном процессе «Государство против частного человека», о том процессе, который идет всегда и повсеместно, но в условиях тоталитаризма приобретает невиданные масштабы. К счастью, кроме памятников искусства, выражающих идеологию государства, сохраняются и свидетельства, подобные этому дневнику. Именно этим он и интересен.

Что же, собственно, представляет собой этот документ? Три общие тетради, заполненные чувствами и переживаниями. Довольно банальными. Лучше сказать, типичными для всех чувствительных девочек: пафос, страдания по поводу собственной внешности, смесь тщеславия с унижением, страдания в ожидании любви, крайние эмоциональные реакции — вплоть до мысли о самоубийстве, и даже с попыткой отравиться бабушкиными каплями с опиумом.

Фрагменты дневника могут быть с успехом вставлены в учебник по психологии подростка. Здесь нет ни примет времени, ни признаков личности. Зато он с медицинской точностью фиксирует характерное состояние ребенка переходного возраста.

Нина, миловидная, вполне привлекательная девочка, страдает косоглазием. Этот недостаток — идеальная пища для глубоких страданий.

Множество дневниковых страниц посвящено отношениям с мальчиками — гормональная биография молодого организма: он вошел — я посмотрела, я вошла — он посмотрел... я засмеялась иронически — он покраснел, он засмеялся — я вздрогнула...

Тоска о любви, жажда ее, ревность и зависть, влюбленность и разочарование, новая влюбленность, новое разочарование — трудное взросление, мучительное состояние юности, общее место в биографии почти каждого молодого человека.

Но одновременно с этими обыкновенными для девочек переживаниями в дневниках представлен тот исторический фон, на котором происходит действие ее жизни, и он-то оказывается замечательным комментарием к выставке «Коммунизм — фабрика мечты». Нина Луговская рассказывает о том, что не попадает в поле зрения искусства — о реальной жизни современников. Оказывается, не все шагают в ногу. И Нина из числа тех, у кого особенно острое зрение. Удивительно, почему она пишет то, что другие люди боятся прошептать кому-то на ухо. Это не только смелость высказывания, это смелость мышления — большая редкость во все времена.

Скорее всего, остро-негативное отношение Нины к власти и к самому Сталину связано с политическими воззрениями ее родителей, но, несомненно, что трезвость и наблюдательность ее собственные. В дневниках Нины много определенных и недвусмысленных высказываний, связанных с политическими событиями. Как будто походя, как само собой разумеющееся, она бросает страшные обвинения и власти, и самому народу, подстелившемуся под власть. Но эти дневниковые высказывания особенно ценны для нас сегодня. Именно они представляют собой тот комментарий к прошедшему времени, в котором нуждается время настоящее.

Кости политзаключенных еще не истлели, еще не все заборы и бараки архипелага ГУЛАГ поросли травой, и в архивах НКВД-КГБ-ФСБ хранятся горы еще не прочитанных документов.

И в этом смысле дневник Нины Луговской — прекрасное противоядие для тех, кому «советский проект» все еще кажется привлекательным. Великая утопия обернулась

кровавой историей. Об этом свидетельствует Нина Луговская.

В книге представлены тюремные фотографии Нины, ее сестер и матери: анфас, профиль, номер. У Нины детское растерянное лицо. Миллионы таких фотографий хранятся в архивах. Но все уже умерли: кто от пули, кто в лагере, кто в ссылке. Нине Луговской повезло. Она вышла из ГУЛАГа. Мечта ее детства осуществилась — она стала художником, дожила до старости и мало кто из ее окружения знал о ее прошлом. Наверное, она и сама не помнила о тех изъятах во время обыска дневниках. Но они сохранились. Они здесь. Они для нас.

*Людмила Улицкая*

## ОБЗОР СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ЛУГОВСКИХ

Чтобы понять причины ареста всей семьи Луговских, разделивших судьбы многих и многих тысяч невинно репрессированных в период 1937-1938 годов, нужно рассказать историю семьи Луговских с самого начала.

Мать Нины, Любовь Васильевна Самойлова, родилась в 1887 году в Малом Архангельске Курской губернии, в семье сельского учителя. Окончив Ливенскую гимназию, в 1909 году поступила на Высшие женские курсы в Москве и получила профессию педагога. С 1914 года преподавала математику в школе села Дедилово (Луговская слобода) Дедиловского уезда Московской губернии. Здесь она познакомилась с 29-летним Сергеем Федоровичем Рыбиным, активным членом партии эсеров, который в 1910-х годах вернулся на родину после многолетних полицейских преследований, тюрем и сибирских ссылок.

В 1914-м году они вступили в брак без официальной регистрации и 25 октября 1915 года в семье родилась двойня — девочки Ольга<sup>1</sup> и Евгения. В 1917 году они решили взять общую фамилию Луговских, выбрав ее по месту рождения Рыбина — Луговская слобода.

С началом Февральской революции Сергей Федорович активно включился в политическую деятельность, был избран членом Исполкома Всероссийского Совета КД<sup>2</sup>, был избран в Предпарламент.

С победой Октябрьской революции на съезде Советов Северной области был избран в Областной комитет, на 2-м Всероссийском съезде Советов КД переизбран в Исполком, затем стал членом объединенного ВЦИК, исполнял также

---

<sup>1</sup> В семье ее звали Ляля.

<sup>2</sup> КД — крестьянских депутатов.

обязанности одного из редакторов газеты «Голос Трудового Крестьянства».

С конца ноября 1917 года<sup>3</sup> стал активным членом партии левых эсеров, был делегирован левоэсеровской фракцией в ВСНХ<sup>4</sup>, а после 4-го съезда партии избран в члены ЦК. В конце 1918 года принимал участие в работе Экономического отдела при ЦК, был избран в президиум 2-го Совета партии; вел партийную работу в Ленинграде.

Весной 1918 года в связи с переездом правительства семья переехала в Москву и здесь 25 декабря 1918 года родилась младшая дочь Нина. В феврале 1919 года Сергей Федорович в числе других руководителей и активистов партии левых эсеров был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. После освобождения из-под стражи уехал с семьей в Сибирь, в Омский район, и вернулся в Москву лишь в 1922 году.

Сергей Федорович принадлежал к большинству членов ЦК партии, занявших лояльную позицию по отношению к большевикам и примкнувших к легалистскому крылу партии. Как экономист, активно поддержал политику перехода к НЭПу и вскоре принял участие в создании артели булочников «Вольность труда», основанной на кооперативно-синдикалистских принципах.

В апреле 1923 года артель по суду была закрыта, и Сергей Федорович с группой эсеров-единомышленников принял активное участие в открытии пекарни «Трудовая вольность», на базе которой к середине 20-х в Москве было открыто уже 40 пекарен<sup>5</sup>, вошедших в артель «Муравейник», в которой Сергей Федорович был избран председателем правления. При артели работала бесплатная столовая, парикмахерская, школа, библиотека, театральный кружок, для участников которого в театрах покупались билеты в ложи, а также постоянно отчислялись деньги в поддержку политзаключенных в тюрьмах, лагерях и ссылках.

С сентября 1925 года, когда дочери подросли и пошли в школу, Любовь Васильевна стала работать счетоводом в артели «Муравейник», позднее там же стала библиотека-

---

<sup>3</sup> 19-28 ноября прошел учредительный съезд партии левых эсеров.

<sup>4</sup> Всесоюзный Совет народного хозяйства.

<sup>5</sup> В них работало до 400 человек.

рем и членом культкомиссии. В семье серьезно относились к воспитанию дочерей, которые занимались с преподавателями музыкой и живописью, спорт был также обязателен.

7 января 1929 года Сергей Федорович вместе с большой группой артельщиков был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 9 марта 1929 года он был приговорен к 3 годам ссылки в Коми и отправлен в Усть-Сысольск. Любовь Васильевна была исключена из членов артели, как жена высланного, но позднее добилась по суду восстановления, после чего уволилась из артели по собственному желанию и поступила на работу в школу для взрослых при типографии «Рабочая Москва» заведующей учебной части с окладом в 100 руб.

Семья жила очень трудно: зарплаты Любви Васильевне не хватало, чтобы даже прокормить семью, да и выдавали ее с опозданиями; приходилось постоянно залезать в долги; брать ссуды в кассе взаимопомощи, занимать деньги у родных и знакомых. И хотя с августа 1930 года Сергей Федорович смог устроиться в Усть-Сысольске на работу, при всем желании он мог посылать семье лишь небольшие суммы — от 25 до 50 руб.

Все свободное от работы время Любовь Васильевна посвящала бесконечному поиску продуктов и очередям, чтобы отоварить талоны на продукты и как-то прокормить семью. С возмущением сообщала она мужу о том, что и сама, и позднее старшие дочери получили талоны по самой низкой категории:

*«Мы, служащие, получили 4-ую категорию, учащиеся, дети служащих до 18 лет, тоже 4-ую, а учащиеся, дети рабочих, II категорию. Додумались молодцы, вероятно, пришли к научному заключению, что дети, родители которых несут умственный труд, нуждаются в уменьшенном питании по наследству».*

С начала 30-х годов ухудшилось положение и с товарами первой необходимости, все выдавалось только по талонам: одежда, обувь, мануфактура, — причем, ежемесячные талоны отоваривались сначала для рабочих-ударников труда, потом для простых рабочих и только в последнюю очередь, если что-то оставалось, их могли получить служащие, у которых практически всегда талоны пропадали.

Большую часть писем Любови Васильевне к мужу занимает описание быта, бесконечных ежедневных проблем добывания продуктов и товаров, их возрастающей дороговизны. Приведем примеры:

*«С питанием у нас сейчас дело плохо: нет мяса, нет масла, и решили заготовить на молоке, т<ак> к<ак> кружка уже поднялась до 50 коп<еек>, масло по 10 руб<лей>, тоже не покупаем, а мясо в этом месяце выдали только за 2 дня»; «Купили сегодня конины — цена доступная 1 руб<ль> за кило. Завтра сделаем тушеное мясо. Дети протестуют: «Не будем есть». Ничего, с голоду поедят».*

В январе 1931 года Любови Васильевне пришлось взять на дом договорную сдельную работу, чтобы расплатиться с долгами, о чем она писала в письмах мужу:

*«Работаю по-прежнему много, иногда до помутнения мозгов»; «Мой добавочный заработок пойдет главным образом на покрытие долгов; на мое жалованье 175 р<ублей><sup>6</sup> прожить трудно, невозможно просто».*

События же, происходящие в стране, отношение к школе и институту девочки комментировали в своих дневниках, особенно младшая дочь Нина.

Осенью 1931 года Любови Васильевне стали помогать старшие дочери, взяв надомную работу, о чем мать с гордостью сообщала мужу в декабре 1931 года: *«Итак, папа, мы дождались помощников. Ляля и Женя вместе зарабатывают 90 руб<лей>, почти мой заработок».*

Больше всего Любовь Васильевну волновало то, что ее работа до позднего вечера в будние дни и бесконечные поездки по городу в поисках продуктов и одежды в выходные отнимают все свободное время, что дети ее совсем заброшены:

*«И моего влияния за последние месяцы не было, т<ак> к<ак> сдельная работа меня совершенно оторвала от дома и детей. А этот возраст особенно требует разумного влияния»; «Мне иной раз кажется, что они совсем стали чужие».*

По возвращению в Москву, благодаря помощи знакомому члену Моссовета<sup>7</sup>, Сергею Федоровичу удалось

<sup>6</sup> В это время Любовь Васильевна работала завучем и также заменяла заболевшего бухгалтера, выдавая деньги.

<sup>7</sup> Носкова, подруга Софьи Васильевны Келлер, сестры Любови Васильевны, у нее были знакомства в милиции.

остаться в Москве, и вскоре он стал работать экономистом в столовой № 23, а позднее экономистом на строительстве домов для метростроевцев.

2 ноября 1932 года на квартиру Луговских неожиданно пришли с ордером на обыск. Любовь Васильевна при этом вела себя достаточно агрессивно, а девочки насмешливо следили за сотрудниками органов ОГПУ, проводивших обыск, на каждое замечание отвечали какой-нибудь колкостью, все время посмеивались над ними, но при этом страшно нервничали из-за дневников, особенно Нина, судя по ее записям: *«Как вспоминала, что у меня там написано, так жутко становилось»*.

Весной 1933 года, с началом паспортизации в стране, Сергею Федоровичу отказали в московской прописке, в десятидневный срок он должен был выехать из Москвы. Здоровье его к тому времени ухудшилось: он сильно осунулся, пожелтел, морщины стали резче вырисовываться на хмуром суровом лице, при этом он еще стал слепнуть, что очень волновало жену.

Взаимоотношения с дочерьми у Сергея Федоровича были очень сложные: их неорганизованность, равнодушие к политической жизни, увлечение мальчиками его сильно раздражали, он постоянно ссорился с ними, и больше всего столкновений у него было с младшей дочерью. Многие записи в ее дневнике об отце очень резки, есть даже записи о ненависти к отцу, но при этом она и восхищалась его твердостью: *«Я люблю его, когда он революционер, люблю его человеком идеи, человеком дела, человеком, стойко держащимся своих взглядов, не променявших их ни на какие блага жизни»*.

Сергей Федорович, выехав из Москвы, поселился в деревне Марьин Брод Можайского района, где работал на строительстве, но через год был вынужден выйти на пенсию по здоровью, став инвалидом 2-й группы. С лета 1934 года он нелегально прибыл в Москву и тайно проживал на разных квартирах: жены, своей сестры Дарьи Федоровны и двоюродного брата, Никиты Рыбина. По инициативе Любови Васильевны с 1934 года, когда муж стал нелегально проживать в Москве, в семье было условлено о пароле, что позднее, при аресте, было использовано следствием в обвинении. Сергей Федорович должен был определенным стуком в дверь сообщать о своем прибытии.

Летом 1935 года Нина активно помогала Любви Васильевне, она принимала экзамены у рабочих, поступающих в новую вечернюю семилетку. Первое в жизни столкновение с простыми людьми в этой обстановке сильно поразило ее, и в дневнике она отметила, какими покорными и робкими детьми становились рабочие, очутившись в школе, как у них от волнения дрожали руки, как они краснели, запинаясь и как-то дружелюбно и ласково обращались к ней.

В ночь с 14 на 15 октября 1935 года Сергей Федорович вместе с Никитой Рыбиным был арестован на квартире последнего и отправлен в Бутырскую тюрьму. 20 декабря дело по обвинению его в антисоветской агитации было прекращено за недоказанность обвинений, но 22 февраля 1936 года он был приговорен за контрреволюционную агитацию к трем годам ссылки в Казахстан. 22 марта он был отправлен в Алма-Ату, позднее в Семипалатинск, где он не мог устроиться на работу, поэтому каждые три недели Любовь Васильевна посылала ему на продукты по 50 руб.

Уже в декабре того же года Сергей Федорович был вновь арестован, вывезен для дальнейшего следствия в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. А 4 января 1937 года на квартире Луговских был проведен тщательный обыск, во время которого были изъяты вся переписка с Рыбиным и дневники дочерей Нины и Ольги Луговских.

9 января была вызвана на допрос в органы НКВД Любовь Васильевна, а 11 января она вместе с дочерью Ниной посетила приемную Бутырской тюрьмы, где получила разрешение на свидание с мужем. В тот же день была вызвана на допрос старшая дочь Ольга Луговская, которая отказалась сотрудничать со следствием и рассказала обо всем своему другу и сокурснику Георгию Шарафаненко, который во время обыска в квартире Луговских был в гостях у сестер<sup>8</sup>.

17 января Нина Луговская посетила Политический Красный Крест и подала там заявление о заключении отца в Бутырской тюрьме и предстоящем в ближайшее время

---

<sup>8</sup> Позднее он был исключен из комсомола «за недонесение» комитету комсомола института об аресте сестер Луговских.

приговоре, хотя иллюзий относительно их помощи после разговора с сотрудниками у нее не осталось<sup>9</sup>.

7 марта Любовь Васильевна вновь была вызвана на допрос, где отказалась отвечать на вопросы следователя. А 10 марта на квартиру Луговских прибыла группа сотрудников НКВД с ордером на ее арест. В рапорте сотрудника, проводившего арест, сообщалось, что, **когда ее вывели на улицу, то дочери открыли окна квартиры и стали «демонстративно прощаться с последней, обращая внимание посторонних, громко кричали нам вслед: «Мама, до свидания, не бойся». В свою очередь арестованная Луговская также начала громко кричать, прощаясь: «До свидания, прощайте, детки», — пытаясь своим криком обратить внимание прохожих».**

На допросах 13 и 15 марта, 21 мая и 5 июня она категорически отрицала как свои *«контрреволюционные настроения»*, так и дочерей с мужем, утверждая, что *«Рыбин — советский человек»*. В предъявленной ей переписке с мужем отрицала, что в них возводила *«контрреволюционную клевету на советское государство»*, что освещала *«в антисоветском духе жизнь и быт трудящихся»*.

На допросе 7 июня следователю все-таки удалось, предъявив ей письма Рыбина, добиться ее вынужденного признания, что *«контрреволюционные настроения у него были в вопросах воспитания детей»*, но подписать этот протокол она категорически отказалась. Невозможно ей было также отрицать после очных ставок с арестованными по этому же делу левыми эсерами и того факта, что товарищи мужа и ее знакомые посещали их квартиру, передавали ей деньги и продукты для отправки ссылкой в Великий Устюг, Усть-Сысольск, в Среднюю Азию.

А 16 марта была арестована Нина Луговская, которая признала на допросах, что была *«резко враждебно настроена против руководителей ВКП(б) и в первую очередь против Сталина»*, что имела *«террористические намерения против Сталина»*, подтвердив версию следствия, что причиной такого отношения послужили *«репрессии со стороны Советской власти по отношению к моему отцу»*.

---

<sup>9</sup> Сотрудник ПКК, принимавший посетителей, заявил ей: *«Мы постараемся, но вряд ли из этого что-либо получится»*.